

Ищущий, да обрящет

“Рябиновые грезы” молодого композитора

Его имя Роман, фамилия – Львович, студент Московской консерватории по классу профессора Романа Леденева. Меня познакомил с ним III Есенинский молодежный конкурс “Рябиновые грезы”, лауреатом которого Роман Львович стал.

Успех принес романс на стихи В. Жуковского “К мимо пролетевшему знакомому гению”. Необычное, приятное сочинение привлекло прежде всего тем, что автору удалось органично сплавить характерные черты несколько салонного “светского” романса и современной “бардовской” песни. Красивая, свободно развивающаяся мелодия и подчеркнута четкий гитарный аккомпанемент (композитор профессионально владеет инструментом) придали самобытность письму.

Спустя некоторое время удалось прослушать другие сочинения Романа. Они были разных жанров, разных характеров: немудрящая эстрадная песенка, романсы на стихи поэтов Баратынского и Брюсова, Гумилева и Дениса Давыдова, Бродского и Гарсия Лорки; джазовая пьеса, выдержанный в классических традициях трехчастный струнный квартет и электронная музыка. Подобный стилизованный разброс, несомненно, свидетельствует о творческой пылкости композитора.

Кстати, за прошедшее после кон-

курса время состоялись два авторских вечера молодого музыканта, и он сумел сдать консерваторские экзамены сразу за два курса.

– Моя голубая мечта, – признался Львович, – работать в области театра и кино. Вот где огромный простор для фантазии. Сейчас работаю над клавиром – пишу нечто среднее между оперой и мюзиклом.

– А начинали вы свою “профессию” вундеркиндом?

– Что вы! Начал учиться музыке довольно рано. В шесть лет меня отдали в обычную ДМШ Казани

(здесь я родился). В нашем доме музыка звучала и звучит постоянно: мама хорошо поет (в рамках любительства), отец – режиссер и актер, окончил Училище имени Щукина, поет и играет на гитаре. Однако мне обязательные ежедневные занятия на фортепиано очень быстро надоели. Помню, каким несчастным чувствовал я себя, сидя в слезах за инструментом и горько причитая: “Да, Баху, Бетховену – им-то хорошо: написали свою музыку и умерли, а ты – сиди, разучивай, запоминай ее”. Нудно мне было ужасно. Стал писать и ставить с ребятами какие-то сценки, даже как-то их озвучивал. И уж музыкантом никак не собирался быть. Больше всего любил математику и химию, с триумфом выдержал экзамены в спецшколу и весьма успешно учился. И вдруг... Что-то “стукнуло”, захотелось композиторской славы. Сочинил для поступления в музыкальное училище какой-то опус – естественно, нигде не годный – и с трудом “протиснулся” на теоретическое отделение. Так что совсем не блестящее у меня музыкальное прошлое.

– Зато сейчас – все хорошо. Обучаетесь в Московской консерватории в композиторском классе замечательного музыканта, превосходного педагога, интеллигентнейшего человека.

Судя по вашим произведениям, он дает вам полную творческую свободу в выборе жанров, стиля, средств музыкального письма.

– Ни в коей мере! Главное требование профессора – не допускать в сочиняемой музыке дурновкусы, банальности. Не признает он и вычурности: важны естественность высказывания, правдивость мыслей и чувств, напоминает он мне.

– Роман, вот вы – вполне современный молодой человек, – как вы относитесь к “попсе”, угробившей музыку как таковую, и к ультрамодерновым течениям, требующим от сочинителей знаний высшей математики и освоения новейшей электронной техники?

– Меня приводит в бешенство дилетантизм создателей “попсы” – примитивность, доведенная до абсурда. Столь же раздражающе бессмысленна, на мой взгляд, заумь “вычисленных” творений. “Музыка” без музыки – от нее можно попросту с ума сойти. Экспериментаторство, техника, знание различных приемов, владение ими необходимы для профессионального совершенствования, но предназначения их – кабинеты, студии.

Мария ЛЕОНИДОВА